

ВВЕДЕНИЕ. ПАВЕЛ И ТОЛКОВАНИЕ ПИСАНИЯ ИЗРАИЛЯ

В этой книге выдвигается три тезиса: (1) толкование Писания Израиля занимало центральное место в мысли апостола Павла; (2) мы можем научиться у Павла точно толковать Писание; (3) если мы последуем его примеру, то совместное воображение церкви изменится, благодаря чему церковь станет совершенно по-иному смотреть на Писание и мир.

Эти утверждения едва ли можно считать новыми: подобные идеи высказывал еще Ориген, говоривший, что Павел «учил церковь, которую собрал из язычников, разуместь книги Закона» (*Гомилии на Исход* 5.1). Как христианский толкователь, живший в языческом мире, Ориген ясно сознавал, что язычники, обратившиеся к вере, должны были преобразоваться обновлением ума своего, и что наставление относительно толкования Писания составляло саму суть Павлова пастырского служения: язычников нужно было научить правилам толкования, которые помогли бы им воспринять Писание как их собственное.¹ Таким образом, Ориген, величайший библейский толкователь своей эпохи, видел в Павле предшественника и наставника. Однако в новое время эту сторону Павлова учения предпочитали не замечать. Большинство толкователей девятнадцатого и двадцатого столетий не считали библейское толкование важнейшей составляющей Павлова богословия либо, если и рассматривали Павлово библейское толкование, считали его ошибочным и запутанным, поскольку он якобы пренебрегал буквальным смыслом текстов ВЗ.

За последние двадцать лет наблюдается возрождение интереса к Павлу как к толкователю Писания. Мои труды, в частности «Отголоски Писания

¹ Обзор деятельности Оригена как библейского толкователя освещается в работе L. T. Johnson, "Origen and the Transformation of the Mind," in L. T. Johnson and W. S. Kurz, S. J., *The Future of Catholic Biblical Scholarship: A Constructive Conversation* (Grand Rapids: Eerdmans, 2002), 64-90.

в посланиях Павла»,² сыграли определенную роль в стимулировании этого интереса, но, по моему мнению, в конце двадцатого столетия и в начале двадцать первого Павлово библейское толкование стало предметом живого внимания исследователей вследствие стечения ряда обстоятельств. Среди них: пересмотр иудаизма и иудейских корней христианства после Холокоста; возобновление диалога между иудейскими и христианскими толкователями; упадок модернистского историцизма как доминирующей герменевтической парадигмы; появление и применение теории интертекстуальности в литературоведческих исследованиях;³ растущий интерес к библейскому канону как к важному контексту богословской герменевтики; наблюдающееся в рамках постлиберального богословия стремление возвратиться к особым способам аргументации, которые характерны для классической христианской исповедальной традиции. Я считаю, что все это – весьма положительные явления, и все они будут способствовать укреплению богословского здоровья церкви.

В свете этих широких культурных тенденций очерки, собранные в данной книге, представляют собой встречи с Павлом как толкователем Писания. Тема эта начала интересовать меня еще тогда, когда я был молодым ученым, и объясняется это не только интеллектуальным любопытством, – хотя данные вопросы сами по себе чрезвычайно интересны, – а и тем, что меня не покидала мысль: церковь непременно должна найти лучший подход к толкованию Библии.⁴ Обычно речь шла о двух (если говорить обобщенно) вариантах подхода к толкованию Писания: о той или иной версии либеральной демифологизации, с одной стороны, и о консервативном буквализме, с другой. И тот и другой подход, каждый по-своему, был жестким и нетворческим; ни тот ни другой не был живительным для сообщества верующих (более того, сегодня я убежден, что каждый из этих подходов был просто трансформацией ограниченного в эпистемологическом плане модернизма). Но важнее всего то, что ни тот ни другой подход, судя по всему, не мог дать вразумительного объяснения, почему *Павел* толковал библейские тексты так, как он это делал. В противоположность сторонникам демифологизирующей герменевтики,

² R. B. Hays, *Echoes of Scripture in the Letters of Paul* (New Haven: Yale University Press, 1989). Хейз Р. *Отголоски Писаний в посланиях Павла*. Черкассы: Коллоквиум, 2011.

³ Оценка этого обстоятельства дана в работе S. Alkier and R. B. Hays, eds., *Die Bibel im Dialog der Schriften: Konzepte Intertextuelle Bibellektüre* (Tübingen: Francke, 2005). Этой теме посвящена работа E. F. Davis and R. B. Hays, eds., *The Art of Reading Scripture* (Grand Rapids: Eerdmans, 2003).

⁴ Об этом речь идет в работе E. F. Davis and R. B. Hays, eds., *The Art of Reading Scripture* (Grand Rapids: Eerdmans, 2003).

Павел превозносил свидетельство Писания о действенном и решительном апокалиптическом деянии, совершенном Богом в мире; в отличие от приверженцев буквалистской герменевтики, Павел трактовал тексты Писания с великой свободой образотворчества, не испытывая характерного для модернистов интереса к соответствию своих толкований тому, что происходило в действительности, и авторскому замыслу. Так я начал более детально изучать тексты Павла, пытаюсь понять, что он делал как толкователь Библии, которая была известна ему (каковая, разумеется, была тем собранием святых писаний, которые христиане впоследствии стали именовать ВЗ).

Таким образом, все очерки собраны здесь, чтобы рассмотреть и выяснить, каким представляется Писание в рамках повествовательного мира Павловых образов. Цель исследования, которое будет проводиться путем ряда (сразу оговоримся) условных опытов, состоит в том, чтобы найти способ толкования, побуждающий читателя к эпистемологической трансформации, *возрождению воображения*. Плоды такого преобразования описаны в заключительном очерке этой книги «Герменевтика доверия».

Данные очерки выходили в различных научных журналах, юбилейных сборниках статей и сборниках очерков в период с 1980 по 1999 гг. Некоторые из них увидели свет до того, как была написана книга «Отголоски Писания в посланиях Павла», и в них нашли отражение мои ранние попытки осмыслить данные вопросы. Большинство из них появилось после издания «Отголосков»: в этих работах я постарался детальнее разработать трактовку Павла, представленную в указанной книге. Хотя при написании этих работ я не руководствовался единым замыслом, и причины их появления различны, вместе они служат отражением единого стремления понять Павла как того, на чьем примере мы могли бы научиться толковать Писание по-новому, – стремления, которым я был движим на протяжении двадцати лет.⁵

Первая глава книги – «Возрождение воображения. Писание и эсхатология в 1 Кор.» – в действительности была написана позже других и потому представляет итог моих рассуждений по этим вопросам. Я счел нужным начать свою книгу именно с нее, потому что там четко очерчены концептуальные рамки, в которых следует рассматривать другие очерки.

⁵ Эссе, включенные в эту книгу, приводятся без изменений, хотя и была сделана некоторая стилистическая правка; в некоторых же местах я внес в тексты работ краткие, но существенные изменения или дополнения, также обновив библиографические данные. Эти работы все же несут на себе отпечаток обстоятельств, послуживших поводом их написания (я поясню это ниже), и я не пытался изъять все дублирующиеся тексты. Из-за этого в эссе есть повторения, но в таких случаях читателям, возможно, будет интересно проследить, как разрабатывалась та или иная идея в последующих контекстах.

Более ранняя версия текста этого эссе была впервые представлена в качестве заказной основной статьи на заседании общества *Studiorum Novi Testamenti Societas* в Копенгагене в 1998 г.⁶ В этом исследовании, где сведены воедино идеи, разработанные мною во время написания комментария к Первому посланию к Коринфянам,⁷ я пытаюсь связать две грани Павловой мысли, которые часто искусственно противопоставляются: повествовательную связь с историей Израиля и радикальную апокалиптическую трансформацию. В Первом послании к Коринфянам обе эти составляющие основаны на толковании Павлом Писания Израиля. Я утверждаю, что Павлова пастырская стратегия перестройки сознания обращенных из язычников заключалась в том, чтобы включить их в повествование об истории Израиля посредством метафорического усвоения Писания – и именно благодаря этому научить их мыслить апокалиптически.

Вторая глава, «Кто поверил слышанному от нас?» Трактровка Исаии у Павла», была впервые представлена в качестве заказной статьи по случаю создания группы по изучению Книги Исаии на ежегодном заседании Общества библейской литературы в г. Орландо, шт. Флорида, в 1998 г.⁸ Этот текст помещен в начало данной книги, потому что в нем разъясняется литературно-богословский подход к феномену интертекстуальности и более подробно освещаются семь критериев, по которым можно судить о том, наличествуют ли у Павла отголоски ВЗ, – эти семь критериев я изначально обозначил в «Отголосках».⁹ Таким образом, в этом очерке заложено важное методологическое основание для последующих исследований. Мне бы хотелось подчеркнуть, что в написании этой статьи особую помощь мне оказал Дж. Росс Вагнер, ныне занимающий должность адъюнкт-профессора НЗ в Принстонской богословской семинарии; в то время, когда я работал над статьей, он писал диссертацию в Университете Дьюка о Павловом толковании Исаии в Рим. 9 – 11.¹⁰ Многие идеи, изложенные в этой статье, возникли в ходе оживленных дискуссий о Павле и Исаие, которые мы не переставали вести, и его заключения оказали существенное влияние на мою трактовку данного круга вопросов.

⁶ На этой встрече ученых из разных стран некоторые коллеги высказали ряд ценных мыслей и замечаний; впоследствии текст был существенно переработан и опубликован в *NTS* 45 (1999): 391-412.

⁷ R. B. Hays, *First Corinthians*, Interpretation (Louisville: John Knox, 1997).

⁸ Этот очерк был опубликован в издании *SBL 1998 Seminar Papers*, 205-24 и впоследствии переиздан, будучи включен в книгу J. M. Court, ed., *New Testament Writers and the Old Testament: An Introduction* (London: SPCK, 2002), 46-70.

⁹ Hays, *Echoes*, 29-33.

¹⁰ См. J. R. Wagner, *Heralds of the Good News: Isaiah and Paul "In Concert" in the Letter to the Romans*, 101 (Leiden: Brill, 2002).

В следующих четырех главах с различных точек зрения рассматривается то, как Павел пользуется Писанием в Послании к Римлянам. Первая из них, «Псалом 142 и свидетельство о праведности Бога», была написана раньше остальных глав этой книги. Изначально она была подготовлена для семинара Леандера Кека по Павлу в Университете Эмори, который проходил в то время, когда я был аспирантом.¹¹ Этот краткий очерк можно рассматривать как семя, из которого вырос мой последующий труд о Павловом толковании Писания. Именно тогда, вчитываясь в строки Рим. 3, я осознал, как важно понимать более широкий литературный контекст Павловых цитат из ВЗ и аллюзий на тексты Писания: Пс. 142 служит интертекстуальной матрицей, в рамках которой рассуждения в Рим. 3 обретают связность. Хотя в то время Джон Холландер еще не опубликовал «Отголосок как стилистическая фигура»¹² и мне не была известна его трактовка термина «металепсис», я уже описывал в этом эссе феномен металепсиса как семантически резонирующее интертекстуальное взаимодействие, которое мне предстояло более подробно исследовать в «Отголосках». В ходе работы над этим очерком я также осознал, что известный спор Эрнста Кеземанна и Рудольфа Бультмана о значении выражения δικαιοσύνη θεοῦ велся на основании ошибочных предпосылок. Кеземанн справедливо подвергал сомнению обоснованность Бультманова неолютеранского толкования понятия «праведность Божья», но ошибался, считая, что необходимо было найти некое особое религиозное обоснование этой идеи вне библейского канона. Интересно отметить, что Павел находит δικαιοσύνη θεοῦ прямо в Псалтыри, в частности в том самом псалме, аллюзия на который отражена в Рим. 3, 20. То обстоятельство, что этот важнейший источник богословских размышлений Павла упустили из виду столь проницательные экзегеты, как Бультман и Кеземанн, заставило серьезно задуматься. Я начал задаваться вопросом, в основе скольких других рассуждений Павла могут лежать библейские контексты, не распознанные в полной мере современными толкователями.

В четвертой главе, «Авраам – отец иудеев и язычников», рассматривается Павлово радикально новое прочтение истории Авраама в Рим. 4.¹³ Это эссе, написанное мною в первые годы преподавания в Йельской богословской школе, отражает мое стремление помочь студентам понять, как раскрывается логика Послания к Римлянам (я благодарен студентам

¹¹ Работа вышла под заголовком “Psalm 143 and the Logic of Romans 3,” *JBL* 99 (1980):107-15.

¹² John Hollander, *The Figure of Echo: A Mode of Allusion in Milton and After* (Berkeley: University of California Press, 1981).

¹³ Первоначально издана как “‘Have We Found Abraham to Be Our Forefather according to the Flesh?’ A Reconsideration of Rom 4:1,” *NovT* 27 (1985):76-98.

Йельской богословской школы, посещавшим мои лекции в начале восьмидесятых годов, за проницательные вопросы и замечания по черновикам этой статьи). Хотя статья начинается с тезиса о новом варианте перевода греческого текста Рим. 4, 1, вокруг которого, как известно, постоянно ведутся споры, основная идея ее состоит в том, чтобы показать, что весь текст Рим. 4 следует интерпретировать как Павлово свидетельство о том, что его евангелие, как он заявляет в Рим. 3, 31, *подтверждает* Закон, а не отменяет его. Доводы Павла представляются разумными, только если Авраам трактуется как повествовательный прообраз, чья вера предызображает верность Христа, через которого благословляются многие. Эта идея оставалась незамеченной толкователями, которые заостряют внимание на вере Авраама как предвестии христианской субъективной веры во Христа. Мало того, вера во Христа не играет никакой роли в Рим. 4. В своем очерке я стремлюсь показать, что в Рим. 4 находит яркое отражение иудейская трактовка повествования Бытия; Павел стремится убедить читателей в том, что евангелие включения язычников в обетованное благословение уже наличествует в библейском тексте, по крайней мере, пролептически.

Текст пятой главы – «Три драматических роли. Закон в Рим. 3 – 4» – был изначально представлен на Дареми-Тюбингенском исследовательском симпозиуме по раннему христианству и иудаизму, который проходил в 1994 г. в Дареме, Англии.¹⁴ На этой конференции я должен был осветить вопрос Павловой трактовки Закона в Рим. 3 – 4. В данном очерке рассматривается тезис о том, что Павловы несходные утверждения о Законе, вызывающие столько затруднений у толкователей, которые ищут систематического единообразия в Павловой мысли, правильнее понимать как повествовательно упорядоченные в рамках разворачивающегося драматического замысла, – на различных этапах истории Закон выполняет различные функции. Этот подход позволяет рассмотреть несколько тем, которые не рассматриваются в предыдущих главах книги: функция Писания, заключающаяся в определении самосознания народа, роль Закона в возвещении осуждения для всего человечества и *пророческая* функция Закона как свидетельства, в котором содержится таинственным образом зашифрованное указание на евангелие. Если Павел может пользоваться Писанием в таких различных целях, то с нашей стороны было бы неразумно пытаться свести эти различные способы использования Писания к некоему единому или единообразному подходу. Образный спектр способов использования Павлом Писания соответствует спектру голосов, звучащих в самом Писании.

¹⁴ Впоследствии вошел в книгу J. D. G. Dunn, ed., *Paul and the Mosaic Law*, WUNT 89 (Tübingen: Mohr Siebeck, 1996), 151-64.

В заключительном эссе этой группы исследований, посвященных Посланию к Римлянам – «Христос молится словами Псалмов. Псалтырь – матрица ранней христологии» – внимание сосредоточено на Рим. 15. Эта глава, изначально написанная для сборника, посвященного юбилею Леандера Кека¹⁵ и несколько расширенная в настоящем издании, служит чем-то вроде поворотного пункта в моих размышлениях о том, как Павел обращается с Писанием. В более ранних исследованиях я заострял внимание на экклезиоцентричном характере толкований Павла: он истолковывал ВЗ как текст о церкви. А в этом очерке я рассматриваю отрывок, в котором Павел, к нашему удивлению, говорит о том, что Христос молится словами Пс. 68. Этот отрывок оказывается важным ориентиром, указывающим на ключевую роль псалмов-сетований в становлении понимания личности Иисуса в ранней церкви. В пересмотренном варианте эссе, вошедшем в эту книгу, добавлены некоторые заключительные размышления о более широком значении Рим. 15, 1-13 для понимания того, как возрожденное воображение церкви порождало радикально новые толкования Псалтыри – и наоборот.

Глава седьмая – «Апокалиптическая герменевтика. Аввакум возвещает о праведнике» – изначально была опубликована в юбилейном сборнике, посвященном Дж. Луису Мартину.¹⁶ В своей важной книге о Павле Мартин заостряет внимание на апокалиптике, и результаты его изысканий оказываются весьма ценными в применении к исследованию Павловой библейской герменевтики. В своем эссе я утверждаю, что Павлово толкование Писания ведет нас к апокалиптическому восприятию не только библейского текста, но и окружающей нас действительности. Основная цель очерка – обосновать апокалиптически-мессианское толкование словосочетания *ὁ δίκαιος* («праведный») в Павловом чтении Авв. 2, 4; однако это толкование имеет более широкое значение для апокалиптического характера Павловой герменевтики в целом. Как сказал бы я сейчас, воображение Павла, перечитывающего Писание, преобразено смертью и воскресением Иисуса.

Воображение, возрожденное и преобразованное таким образом, непременно будет видеть нравственный мир, в котором мы живем и движемся, новыми глазами. Это тема восьмой главы – эссе, изначально написан-

¹⁵ “Christ Prays the Psalms: Paul’s Use of an Early Christian Exegetical Convention,” in *The Future of Christology: Essays in Honor of Leander E. Keck*, ed. A. J. Malherbe and W. A. Meeks (Minneapolis: Fortress, 1993), 122-36.

¹⁶ “‘The Righteous One’ as Eschatological Deliverer: A Case Study in Paul’s Apocalyptic Hermeneutics,” in *The New Testament and Apocalyptic*, ed. J. Marcus and M. L. Soards, JSNTSup 24 (Sheffield: JSOT Press, 1989).

ного для сборника, посвященного юбилею Виктора Ферниша.¹⁷ В этой главе я ставлю перед собой цель показать, что, несмотря на относительно небольшое число отсылок к Писанию как источнику заповедей или нравственных положений, Павел пользуется Писанием как источником истории мира, в котором сообществу людей Христовых надлежит обрести самосознание. Это самосознание, имеющее истоки в Писании, затем весьма специфическим образом формирует деятельность сообщества. В этой главе в большей мере, чем в некоторых других очерках данной книги, заостряется внимание на том влиянии, которое оказывает Павлова герменевтическая практика на формирование сообщества. Читатели обратят внимание на существенные тематические связи между этим очерком и первой главой книги «Возрождение воображения».

Как объясняется в начале девятой главы, это эссе («Ответ на критику книги “Отголоски Писания в посланиях Павла”») несколько отличается по характеру от других глав данной книги. Очерк вышел в блоке программы Общества библейской литературы (SBL) («Писание в раннем иудаизме и христианстве»), под эгидой которого в 1990 г. было организовано специальное заседание, посвященное критическим отзывам по моей книге. Включенный в эту книгу текст представляет собой мой ответ на эти критические отзывы, оформленный теперь как отдельный очерк. Таким образом, в то время как большинство других глав этой книги носят экзегетический характер, в девятой главе в центре внимания находятся методологические вопросы. Некоторые из вопросов, поставленных теми, кому адресован мой ответ (Крейг Эванс, Джеймс Сандерс, Уильям Скотт Грин и покойный Й. Кристиан Бекер), вновь и вновь по-разному озвучиваются в непрекращающихся научных дискуссиях о Павловом библейском толковании; поэтому я надеюсь, что читатели найдут в этой главе полезную информацию. Те, кого вопросы методологии интересуют в меньшей степени, могут оставить этот очерк без внимания и сразу перейти к заключительной главе.

Текст десятой главы – «Герменевтика доверия» – был изначально представлен на заседании Общества библейской литературы (секция «Библия и христианское богословие») в 1996 г.; реакция слушателей была неоднозначной: одни восторженно приняли его, других он разочаровал.¹⁸

¹⁷ “The Role of Scripture in Paul’s Ethics,” in *Theology and Ethics in Paul and His Interpreters: Essays in Honor of Victor Paul Furnish*, ed. E. H. Lovering, Jr., and J. L. Sumney (Nashville: Abingdon, 1996), 30-47.

¹⁸ Впоследствии он вышел под заголовком “Salvation by Trust? Reading the Bible Faithfully,” *Christian Century* 114, no. 7 (February 26, 1997): 218-23; позднее вошел, уже под настоящим заголовком, в сборник трудов R. Lischer, ed., *The Company of Preachers: Wisdom on Preaching, Augustine to the Present* (Grand Rapids: Eerdmans, 2002), 265-74.

В этом смысле можно говорить о том, что реакция на очерк была подобна той, с которой принимали речи апостола, вдохновившего данный очерк. В «Герменевтике доверия» в большей степени, чем в других очерках этой книги, я стремлюсь конструктивно раскрыть смысл того, что означает научиться у Павла толковать Писание. Таким образом, этот очерк служит уместным заключением данной книги. Ключевой тезис этого очерка состоит в том, что Павлова герменевтика упования (*πίστις*) представляет собой решительную и живительную альтернативу губительной герменевтике подозрения, которая господствует в современном научном мире.

Рассматривая все эти десять очерков вместе, мы видим, что в них вновь и вновь звучат некоторые ключевые темы. Их краткий обзор может помочь читателям держать в поле зрения фундаментальные темы данного исследования в ходе рассмотрения частных вопросов.

Во-первых, Павлово толкование Писания – всегда действие пастырское, направленное на созидание сообщества. Его трактовки – не просто плод творческого воображения; они нацелены на формирование самосознания и действий членов сообщества, призванных Богом быть носителями благодати. Возрождение воображения, будучи целью, к которой стремится Павел, – не просто духовное просвещение отдельных лиц, а трансформация сознания сообщества верных.

Во-вторых, Павловы толкования Писания *поэтичны* по характеру. Он находит в Писании богатый источник образов и метафор, позволяющих ему возвещать в силе о том, что Бог совершает в мире в его время. Он трактует Библию не как историк и не как специалист по систематическому богословию, а как поэтически настроенный проповедник, который находит аналогические соответствия между библейской историей и возвещаемым им евангелием.

В-третьих, как указывает на то предыдущий тезис, Павел трактует Писание *повествовательно*. Оно для него не просто собрание разрозненных текстов, на которые он может сослаться в подтверждение своих доводов; скорее, это историческое повествование о том, как Бог избрал, наказывал и искупил народ.¹⁹ Павел видит в церкви, которая появилась в его дни, наследницу той великой древней истории и удивительное исполнение обетований, данных Израилю.

В-четвертых, эти обетования исполнились совершенно неожиданным образом вследствие потрясшего мир апокалиптического события – распятия и воскресения Мессии, Иисуса. Ретроспективно перечитывая

¹⁹ Тезис о том, что Павел трактует библейские тексты с учетом их контекстуального повествовательного смысла, также звучит в работе Francis Watson, *Paul and the Hermeneutics of Faith* (London: T. & T. Clark, 2004).

Писание Израиля, Павел находит многочисленные предызображения²⁰ этого события, в коем нам даровано божественное откровение, – которое оказалось полной неожиданностью для Израиля и продолжает оставаться камнем преткновения для неверующих. Когда мы воспринимаем Писания с учетом этого герменевтического ключа, нам становится понятен их всецело эсхатологический характер. Поэтому Павел стремится научить читателей толковать Писание *эсхатологически*: им надлежит помнить о том, что Бог будет судить всякий человеческий помысел и действие, но также с надеждой ожидать времени, когда Бог наконец примирит все сущее с собою.

Наконец, Павел толкует Писание *с доверием*. Он верует в то, что Писание открывает нам Бога, который любит нас и которому можно доверять, уповая на то, что он, по праведности своей, сдержит обетования и спасет нас. Таким образом, апостол всегда приступает к толкованию Писания с ожиданием того, что найденное им станет словом преизобильной благодати.

Взятые вместе, очерки, которые вошли в эту книгу, побуждают читателей к пониманию одного из наиболее ярких и проницательных толкователей Писания, которого породила традиция Израиля. Несмотря на многие возражения, которые вполне обоснованно могут быть выдвинуты в связи с интертекстуальными толкованиями Павла, его мощные образные трактовки продолжают порождать новые сообщества читателей, которые преобразуются обновлением ума своего и таким образом следуют призыванию жить в самоисследующем смирении и самоотверженном служении. И в этом состоянии самоисследования и самоотверженности они пребывают как раз потому, что истолковывают Писание образно, по примеру Павла. Надеюсь, этот сборник научных статей поможет таким читателям обрести более глубокое понимание феномена возрождения воображения, к которому призывают нас Павловы толкования Писания.

²⁰ Особенно в Псалмах.